

Роман ПУТИЛОВ

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
П90

Серия «Попаданец»

Выпуск 168

Иллюстрация на обложке *Михаила Федулова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Путилов, Роман Феликсович

П90 Постовой : роман / Роман Путилов. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2024. — 352 с. — (Попаданец).

ISBN 978-5-17-162471-2

Павел Громов получил возможность прожить свою жизнь заново, непостижимым образом оказавшись в теле самого себя, двадцатилетнего. Сумеет ли он правильно распорядиться предоставленным ему шансом, исправить совершенные ошибки, вернувшись в свою юность накануне развала великой страны?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-162471-2

© Роман Путилов, 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024

Глава первая ПО ТУНДРЕ, ПО ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ

— Паша, Паша, очнись!

— А? Что? — Я ошалело подскочил и ударился коротко стриженным затылком о хромированный упор верхней полки. В глазах сначала вспыхнули звезды, затем задвоились какие-то колышущиеся пятна. Мутное мурло с «порнографическими» жидкими усиками склонилось надо мной, тыкая мне в рот металлическую стопку, наполненную до краев прозрачной жидкостью со стойким запахом резины.

— Что, уже приехали? — С верхней полки перегнулась еще одна мутная рожа, и оттуда, блеснув в свете фонаря за окном, мне в руки кувыркнулся какой-то предмет.

Я осторожно отвел в сторону руку с сосудом, с кромки которого мне на руку все-таки выплеснулась ледяная жидкость, и поднес к лицу таинственную вещь с верхней полки. Это была обычная серая солдатская ушанка, по-дембельски ушитая, покрашенная и оглаженная на деревянной болванке, вызывающе блестящая советской красной звездой в обрамлении латунных листочков.

— Громов, ты пить будешь? — В мою сторону снова сунули, на этот раз стакан, наполненный на четверть.

Я в полном охренении принял его и уставился на виночерпия. Передо мной, покачиваясь, стоял мой сослуживец по танковому учебному батальону — Серега Старыгин, с которым мы не виделись, дай бог памяти, больше тридцати лет.

— Я буду! — Сверху соскользнул темный силуэт и сел за столик напротив меня.

Второму фигуранту моего кошмара я удивился чуть меньше. Это был еще один мой земляк, но из ремонтной роты — Михайлов Алексей. Он взял бутылку с забытой в вихре прошедших десятилетий черной этикеткой «Водка посольская» и набулькал себе треть граненого стакана.

Я поразился теме сна, автоматически опрокинул свой сосуд в глотку и поперхнулся. Водку явно «бодяжили» из технического спирта, а такую дрянь надо глотать разом, пока тебя не вывернуло от тяжелого запаха. На столе закуска отсутствовала напрочь. Я привычно ткнулся носом в суконный рукав шинели, втянул носом запах и расслабился. Нормально пошла.

— А че у нас так холодно?

— Ты че, уже пьяный? — засмеялся Серега. — Вагон же не отапливается, поэтому в нем для нас места нашлись. В минус сорок никто не хочет в таком ехать, а нам только до шести утра дотерпеть, и мы дома.

Вагон застучал колесами на стыках, закачался, а я, опять умудрившись удариться головой о стойку верхней полки, понял, что это совсем не сон. Во сне так больно не бывает. Я вспомнил этот вагон и пять бутылок паленой водки, которую мы, с переплатой, нашли только у мордатого таксиста, потому что во всей столице Колчака последний месяц водки в магазинах не было. Как сказал нам извозчик экипажа с «шашечками», отгруженная потребителям на Дальнем Востоке продукция городского ликеро-водочного завода замерзла в товарном вагоне где-то в районе Благовещенска при умеренной температуре минус пятнадцать градусов. При проверке завода компетентными органами в составе водки нашли весь набор ядов семейства Борджиа. По одной версии, ходившей в городе, «присел» директор завода и главный технолог, по второй версии, в колонии номер три в поселке Кормиловка сформировали новый отряд номер сорок, контингент которого состоит сплошь из работников ликеро-водочного комбината. В любом случае завод закрыт на ключку и опечатан. Забытая под слоем прожитых лет информация хлынула в мою голову. Скрывая растерянность, я поднял стопку, чей бок украшал старинный герб города, на дальней окраине которого я не по своей воле, а по приказу Родины провел два далеких года. Эту стопку я, в «крайнем» увольнении, купил в торговом центре, в память о городе, где ветры зимой дуют так сильно, что уши щелкают на морозе. И вот теперь мы мчимся через ледяную степь из ледяного города

в промерзшем напрочь плацкартном вагоне. Диалектика, однако.

Преодолев внутреннюю дрожь, быстро опрокинул в рот «спиртосодержащую» жидкость, опять занюхал отраву рукавом ставшей родной шинели и выпустил вверх резиновую вонь технического спирта, смешанного с густым клубом пара, после чего откинулся на полку, натянув ушитую шапку на лицо. Я ничего не понимал. В этом поезде я ехал к новой жизни, к родному дому. Я четко помнил почти каждый день своей короткой двадцатилетней жизни и в то же время я осознавал, что еще двадцать минут назад я был вполне состоявшимся пятидесятипятилетним мужчиной, без материальных и других проблем, счастливым мужем и отцом. Последний осознанный миг в моей «длинной» жизни, который я прожил — я ехал на машине, было жарко, я потянулся за бутылкой воды к кармашку двери — и через мгновение мой армейский друг сует мне в лицо стопку водки. На Вальхаллу этот вагон не похож, хотя много общего, пью с друзьями «паленую» водку, потом пойдем искать проводницу, дебелую девушку с обесцвеченными кудрями, ну а там и битва с пассажирами отапливаемого вагона недалека. Сон, клиническая смерть, сумасшествие? Не знаю, для всех этих вариантов я слишком больно бьюсь головой о металлический поручень.

Я откинул в сторону два одеяла, которые забрал у проводницы, прежде чем она успела ускользнуть в соседний, отапливаемый вагон, и резко вскочил.

Вагон опять повело в сторону, и я, нелепо взмахнув руками, под смех друзей опять шлепнулся на полку. Но это было по фигу. Я не слышал скрипа суставов, которым последние несколько лет развлекал меня мой организм, не чувствовал лишних килограммов, добросовестно накопленных мной на случай голодных лет. Судя по тому, что мой живот не касался столика купе, ко мне вернулся мой сорок восьмой размер, записанный когда-то в военном билете разборчивым почерком старшины роты по кличке Чапаев.

Как-то странно провернулись колеса Сансары, я сделал переход хода и вернулся в себя на тридцать пять лет назад. Это же такой подарок судьбы. А любимую я еще встречу, ей сейчас всего тринадцать лет, пусть подрастает, я ее все равно найду и постараюсь оградить от всех напастей, которые ей пришлось пережить в прошлой жизни.

— Ну что, выпьем, пацаны, за дембель! — придя в отличное настроение, взревел я и потянулся за стопкой.

Над всей Западно-Сибирской равниной, от Урала до Западных Саян, стояла жуткая стынь. Воздух, казалось, загустел от мороза, дым из труб вертикальными столбиками полз к ярким звездам, замершим в антрацитном-прозрачном небе. Поезд, невыносимо медленно тащившийся последние полчаса, тем не менее прибыл по расписанию, оглашая занесенный перрон лязгом промерзших сцепок. Мы выскочили из вагона, скалясь застывшими улыбками на тех несчастных, которым не

повезло купить билеты в наш, не ставший ни на градус теплее плацкартный вагон. Неловко потоптавшись с минуту на перроне, обнялись на прощание и я, крикнув, что по переходному мосту, со стороны комендатуры, движется патруль, скорым шагом, но не теряя дембельской солидности, двинулся по второму переходу к троллейбусной остановке.

Глава вторая **ЖИТЬ ХОРОШО**

*Декабрь одна тысяча девятьсот
восемьдесят седьмого года*

Вихрь первых дней жизни дома захлестнул меня с головой. Я уплетал мамины разносолы, спал на чистых простынях до обеда, потом шел гулять с одноклассниками, вернувшись из рядов непобедимой и легендарной на полгода раньше или вообще не озаботивших себя военной службой. Казалось, этот праздник молодости будет длиться вечно. В одно не прекрасное утро он закончился. Себя я осознал плавающим в ванне, полной остывшей воды. Мой, отравленный спиритус вини организм не хотел дальше жить в этом злом мире. В горле булькал чистый цианид, а голова болела так, как будто с нее сняли скальп. Я с трудом вылез из ванны, натянул сатиновые трусы и по стеночке поплелся на кухню.

— Ты пришел в три часа ночи, а перед этим сорок минут поднимался по лестнице. Ночью шаги

в подъезде хорошо слышны, — сказала мама, ставя передо мной большую чашку с кофе.

Я подумал (оказалось, что после глотка кофе я вновь смог думать), что на преодоление одного лестничного пролета у меня уходило около четырех минут. В момент обдумывания этой глубокой мысли мне протянули красную телефонную трубку на длинном витом шнуре.

— Ты как, пропащий, добрался до дома? — радостно, до боли в моих отравленных алкоголем перепонках запищала в трубке Леночка Смирнова, моя очень симпатичная одноклассница, которую я вчера, до момента, пока был в сознании, пытался отволочь в угол, чтобы предаться различным непристойностям.

— Лен, не кричи, пожалуйста, и почему пропащий?

— Так ты вчера убежал!

— От кого убежал, от тебя? — поразился я.

— Нет. Мы возле метро такси ловили, чтобы по домам ехать, а потом видим, что тебя менты пытаются в вырезвитель увезти.

— Менты?

— Ну да, будку свою подогнали и тебя тянут.

— А я?

— Ты в столб вцепился и какую-то песню орешь, что-то типа «сверкая блеском стали», они тебя оторвать не могут. А потом мы подошли, стали их уговаривать, что мы тебя заберем и домой доставим. Пока мы с ментами договаривались, ты взял и убежал куда-то. Они на своей будке за тобой поехали, но, я так понимаю, тебя не нашли.

— Выходит, что не нашли. Ладно, спасибо вам, что меня спасли, еще увидимся. Сейчас говорить не могу, наверное, заболел.

Я отнес трубку в коридор, свернув двухметровый шнур, а вернувшись на кухню, заглянул в грустные глаза мамы:

— Мам, я все — выпивать завязываю. Завтра пойду в военкомат на учет становиться, ну а потом на работу устраиваться.

— Ты лучше в институт иди восстановиться.

Я осторожно, чтобы голова не взорвалась болью, отрицательно мотнул головой. В прошлой жизни, по настоянию родителей, я поперся восстанавливаться в институт в середине января, за три дня до начала зимней сессии, посреди года, наплевав на настоятельный совет декана факультета восстановиться осенью. Декана я переборол, но сессию не сдал — декан мне смог доказать, что стоило его послушаться.

— Нет, мама, я узнавал, меня посреди года не восстановят. Не надо злить администрацию института. Пойду работать.

Мама поджала губы:

— Я бы еще подумала на твоём месте.

— Конечно, мамочка, я подумаю.

— Привет. — Кто-то схватил меня сзади за рукав старой куртки. — Ты давно вернулся?

Я обернулся. Серые глаза, нос кнопкой, мелкие, непослушные кудряшки темными прядями в художественном беспорядке рассыпались по

плечам — очарование юности. Губы, сложившись сердечком, потянулись ко мне. Моя первая жена, юный, только что распустившийся цветочек. Моя первая взрослая любовь, обхватив меня тонкими руками, тянулась ко мне. Я положил руки на ее плечи и, приподняв ее, отодвинул в сторону. На юном личике радостная улыбка сменилась недоумением и обидой, а я вспоминал нашу, давно забытую, как детский кошмар, жизнь. Скоропалительную свадьбу, первые годы безумной страсти, а потом все эти тягучие годы одновременно совместного и раздельного существования, грязный и скандальный развод.

— Извини, Таня, но нет, ничего не будет. Прощай.

Я шел по узкой тропинке, чувствуя спиной ее полный обиды взгляд, взгляд человека, который, пока во всяком случае, ничего плохого мне не сделал. Но это был только вопрос времени. Чтобы продолжать радоваться этой жизни, мне не надо было иметь ничего общего с этой юной, по-своему очаровательной, но не моей девушкой.

Глава третья ВТОРОЙ РАЗ В ТУ ЖЕ РЕКУ

*Февраль одна тысяча девятьсот
восемьдесят восьмого года*

— Товарищи кандидаты. Объясняю вам еще раз — ответить на две тысячи вопросов за отведенные три часа вполне реально. Трудности

возникают у тех кандидатов, что начинают излишне умствовать. Если вопрос звучит — болит ли у вас иногда голова, вы должны поставить галочку в ответе «да», потому что у любого нормального человека хоть раз в жизни голова должна была болеть. А иначе, если у вас никогда голова не болела, вам место в скорбном доме, у вас какие-то проблемы со здоровьем. Понятно? Еще вопросы есть? Вопросов нет. Значит, приступаем. Время пошло. — Доктор в халате, наброшенном поверх военной формы внутренних войск, уселся за стол, и бросив выразительный взгляд на стоящие перед ним часы, уткнулся в какую-то книжку, а мы, два десятка кандидатов на поступление на службу в органы внутренних дел, уткнулись в толстые вопросники — времени для их заполнения было достаточно, но только если его не терять попусту.

Это был последний этап медкомиссии, легендарные две тысячи вопросов, на которые надо было отвечать не задумываясь, почти в автоматическом режиме, понимая смысл каждого вопроса буквально. Остальных врачей я прошел легко, трясая военным билетом с отметкой, что еще месяц назад другая, не менее уважаемая государственная структура — Министерство обороны, считала меня абсолютно здоровым. Вербовщика МВД я встретил в военкомате, становясь на воинский учет по причине увольнения со срочной службы. Я сидел напротив молодой женщины в обтягивающем ее упругие формы сером кителе и внимал, какая сказочная жизнь наступит у меня, как только я соглашусь вновь надеть форму. Достойная зарплата, от тридцати дней отпуска уже в первый год, не

считая дороги к месту отдыха, бесплатный проезд на любом транспорте, кроме такси. И это если не брать во внимание ведомственные санатории-профилактории, которые ждут меня для поправки моего здоровья. А пенсия в сорок пять лет? Разве это не мечта для любого нормального человека? Ты еще относительно молод, а уже можешь ни о чем не беспокоиться, ежемесячное содержание государство будет выплачивать до конца жизни. Вдобавок форма, обувь, шапка с кокардой, спецучет в военкомате и никаких военных сборов... Все удовольствия и радости жизни ждали меня, оставалось только сказать «да».

Дама-майор очень старалась, расписывая мне предстоящие радости жизни. В последние годы, с началом «гласности», популярность службы в милиции упала значительно. Журналисты «делали имя» на скандалах, и милиция стала лакомой мишенью. К грехам тридцать седьмого года прибавили «разоблачения» нынешних недостатков в работе, и образы «рыцарей без страха и упрека», типа телевизионных «Знатоков», очень быстро померкли. Соответственно, количество желающих служить в «органах» также быстро сократилось.

— Скажите, а какие у вас вакансии открыты?

Да, рота ППС — это не рота мушкетеров короля. ГАИ свободных вакансий почему-то не имела, ОБХСС тоже был полностью укомплектован. Уголовный розыск и следствие были готовы принять меня в свои ряды, но чуть попозже, года через три, когда мой законченный первый курс юридического института превратится хотя бы в третий-четвертый.